

ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ МИТРОПОЛИТ А. И. ВВЕДЕНСКИЙ КАК УЧАСТНИК РЕЛИГИОЗНЫХ ДИСПУТОВ

Михаил Васильевич Афанасьев

магистр теологии
студент аспирантуры
Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
mixail.afanasev.97@mail.ru

Для цитирования: *Афанасьев М. В.* Обновленческий митрополит А. И. Введенский как участник религиозных диспутов // Церковный историк. 2024. № 3 (17). С. 98–120. DOI: 10.31802/СН.2024.17.3.007

Аннотация

УДК 2-662

Статья посвящена рассмотрению тематики религиозных диспутов и участия в них А. И. Введенского. К исследованию были привлечены материалы диспутов, содержащихся в ряде выпусков журнала «Церковное обновление», а также в трудах А. Э. Краснова-Левитина. Использовались хронологический, ретроспективный и идеографический методы исторической науки. Религиозные диспуты в Российской Империи, а потом и в СССР 20-х гг. представляют собой особый феномен в контексте событий данной эпохи. Смена власти в стране и обновленческий раскол в Церкви в значительной мере определили специфику этих мероприятий. Обновленческий митрополит А. И. Введенский был активным участником описываемых диспутов. Детальное рассмотрение данного феномена открывает множество пересечений довольно важных и актуальных для церковно-исторической науки тем. Сотрудничая с советской властью, Введенский вёл открытую борьбу с патриаршей Церковью и пытался продвигать обновленческое движение. В контексте диспутов его деятельность выражалась двояким образом. С одной стороны, обновленческий лидер выступал как апологет христианства в спорах с атеистами, с другой стороны, нещадно клеймил и всячески пытался дискредитировать патриаршую Церковь в диспутах с её представителями.

Ключевые слова: Александр Введенский, Луначарский, христианство, атеизм, Церковь, обновленчество, диспуты.

Renovationist Metropolitan A. I. Vvedensky as a Participant in Religious Disputes

Mikhail V. Afanas'ev

MA in Theology

PhD student

at the Moscow Theological Academy

141300, Sergiev Posad, Trinity-Sergiev Lavra, Academy

mixail.afanasev.97@mail.ru

For citation: Afanas'ev, Mikhail V. "Renovationist Metropolitan A. I. Vvedensky as a Participant in Religious Disputes". *Church Historian*, № 3 (17), 2024, pp. 98–120 (in Russian). DOI: 10.31802/CH.2024.17.3.007

Abstract. The article is devoted to the consideration of the topics of religious disputes and the participation of A. I. Vvedensky in them. The study involved materials from debates contained in a number of issues of the journal «Church Renewal», as well as in the works of A. E. Krasnov-Levitin. Chronological, retrospective and ideographic methods of historical science were used. Religious disputes in the Russian Empire, and then in the USSR in the 20s. represent a special phenomenon in the context of the events of a given era. The change of power in the country and the renovationist schism in the Church largely determined the specifics of these events. Renovationist Metropolitan A. I. Vvedensky was an active participant in the debates described. A detailed examination of this phenomenon reveals many intersections of quite important and relevant topics for church historical science. Collaborating with the Soviet government, Vvedensky led an open struggle with the patriarchal Church and tried to promote the renovationist movement. In the context of the debates, his activities were expressed in two ways. On the one hand, the renovationist leader acted as an apologist for Christianity in disputes with atheists, on the other hand, he mercilessly denounced and tried in every possible way to discredit the patriarchal Church in disputes with its representatives.

Keywords: Alexander Vvedensky, Lunacharsky, Christianity, atheism, Church, renovationism, debates.

Феномен диспутов, посвящённых религиозной проблематике, которые проходили в России в начале 20-х гг. XX в., представляет для церковно-исторической науки особый интерес. Причиной тому является обстоятельство, что эти диспуты высвечивают целый комплекс важных аспектов рассматриваемой эпохи. В некотором смысле данный феномен является уникальным в своём роде, ведь именно в эти годы представители религиозного и атеистического общества сходились в спорах на мировоззренческие темы. В данном случае вопрос диспутов будет рассмотрен не просто сам по себе, но предполагает определённую точку привязки. В качестве таковой выступает личность обновленческого митрополита Александра Введенского. Это условие ещё более усложняет и делает уникальной описанную проблематику. Обновленческое движение и его деятельность в контексте начала 20-х гг. является важным нюансом в общей картине.

Сам же Александр Иванович представляет особый интерес в свете обозначенного дискурса. Он известен как человек, обладающий уникальной эрудицией во многих отраслях знания, врождённым обаянием и безусловным ораторским даром. Известно, что диспуты, в которых участвовал Введенский, всегда производили серьёзный эффект на публику и пользовались особой популярностью. Оппонентами обновленческого лидера выступали как представители атеизма и марксизма, например, А. В. Луначарский, так и представители патриаршей Церкви, например, сщмч. Иларион (Троицкий). Также чрезвычайную важность в данном случае представляет то, что взгляд на А. И. Введенского в таком ключе продиктован не только логикой исследования, но и логикой самих исторических источников, на которые это исследование опирается. Стенограммы диспутов дошли в неизменном виде, что даёт ценнейший материал для проведения такого рода исследовательской работы.

31 июля 1923 г. в большом зале консерватории в Москве должен был состояться первый диспут Александра Введенского с священномучеником Иларионом (Троицким), но их встреча в тот день не состоялась. Существуют различные причины этого, которые в действительности могли случиться. По предположению церковного историка священника Дмитрия Сафонова, тогда власти решили не допустить владыку до диспута¹. В подтверждение этой версии могут говорить те факты, что власти, действительно, могли вмешиваться в подобные мероприятия и допускались далеко не все ораторы. Опровергая эту версию,

1 См.: Сафонов Д. Публичные диспуты священномученика Илариона с обновленцами в 1923 г. // Альфа и Омега. 2005. № 2 (43). С. 168.

Н. А. Кривошеева, ссылаясь на советскую печать, озвучивают другую — священномученик Иларион служил в этот вечер Всенощное бдение и не мог физически присутствовать. В доказательство этого она приводит воспоминания участника, заявившего о том, что видел в тот вечер архиерея, который сказал, что занят этим вечером «молением Серафиму за Русь»². Кривошеева обращает внимание на дату диспута и замечает, что этот день выпадает в канун праздника прп. Серафима Саровского, что в действительности может служить доказательством отсутствия священномученика.

Благодаря архивным материалам, опубликованным в статье Н. А. Кривошеевой, мы можем подробно рассмотреть воспоминания очевидцев диспутов с участием обновленческого идеолога³. Диспут, назначенный на 9 часов и начавшийся с небольшим опозданием, был быстро прерван криками публики. Зрители были недовольны отсутствием оппонентов Введенского, в числе которых должен был быть также митрополит Серафим (Чичагов). Люди даже требовали от организаторов возврата денег⁴. Стоит добавить, что билеты стоили дорого: сумма за первые ряды превышала 150 рублей, а самые дальние — до 20⁵. Несмотря на высокие цены, зал был полон и не смог вместить всех желающих. Примечательно, что билеты на выступления Александра Введенского всегда пользовались большим спросом и требовалось немало усилий, чтобы их получить. А. Э. Краснов-Левитин вспоминает: «В декабре 1927 года я простоял в такой очереди 5 часов на морозе»⁶.

Оппонировать обновленческому идеологу предложили архимандриту Евгению (Кобранову), впоследствии епископу Ростовскому, но он отказался от выступления на диспуте, сославшись на то, что «как покорный сын Патриарха, он, не испросив его благословения, не может выступить в качестве докладчика»⁷. Затем Александр Введенский предложил «сразиться» с ним всем желающим, но не найдя добровольцев, он стал отвечать на записки. Порядок в зале контролировался со стороны государственной власти, тем не менее это не мешало зрителям устраивать шум и срывать выступления обновленческого лидера.

2 Кривошеева Н. А. Религиозные диспуты в Москве в 1923 году // Вестник ПСТГУ. 2006. Вып. 2 (19). С. 223.

3 См.: Там же. С. 215–225.

4 См.: Кривошеева Н. А. Религиозные диспуты в Москве в 1923 году. С. 216–217.

5 Там же. С. 216.

6 Краснов-Левитин А. Э. Лихие годы. 1925–1941: Воспоминания. Париж, 1977. С. 133.

7 Кривошеева Н. А. Религиозные диспуты в Москве в 1923 году. С. 217.

Несмотря на все провокации, Александр Иванович начал критически высказываться о личности и деятельности Патриарха Тихона. Этому ответу на поставленный вопрос предшествовало знаменитое заявление святителя Тихона в Верховный Суд РСФСР, где он был вынужден, в силу обстоятельств времени, принести так называемое «раскаяние» перед коммунистической властью. Отвечая на заданный вопрос, Введенский заявил о том, что не верит Патриарху, так как он уже обманывал, когда предавал анафеме большевиков⁸. Более того, обновленческий оратор заявил, что святитель Тихон «самозванец, похитивший право священнослужения, какого он был лишён собором [19]23 года»⁹. Речь идёт об обновленческом соборе.

Затем в качестве оппонентов «митрополита-Благовестника» выступил некто Потоцкий, информации о котором не сохранилось. Он обвинил обновленцев в присвоении себе высшей церковной власти и в том, что они не имели права созывать Собор¹⁰. Это одобрительно было принято публикой. По воспоминаниям очевидца, были ещё выступления других ораторов, в числе которых были и рабочие. На этом подробно-сти этого религиозного диспута оканчиваются.

Из дальнейших воспоминаний становится известно, что диспут повторно состоялся 3 августа, но уже не имел такого сильного резонанса. Эта встреча описана в более сжатой форме, нежели представленная выше. Судя по тематике выступлений ораторов, тема диспута была также непосредственно связана с «заявлением» Патриарха, упомянутым выше. По свидетельству автора воспоминаний, на этот раз выступали обновленческий священник Красотин, критиковавший слушателей за приверженность Патриарху Тихону, а затем коммунист Соловьёв, призывавший «покаянию Тихона и переходу духовенства на советскую платформу верить нельзя»¹¹. Заключением этого вечера стало слово самого Александра Введенского, который заявил, что не показателен тот факт, что большинство людей сторонники святителя, «так как голос народа в средние века назывался даже иногда голосом дьявола»¹². Затем Александр Иванович, по свидетельству участника, сам допустил противоречие, заявив о том, что не меньше 90% народа последовали за обновленческим движением¹³.

8 Там же.

9 Там же.

10 См.: *Кривошеева Н. А.* Религиозные диспуты в Москве в 1923 году. С. 218.

11 Там же.

12 Там же.

13 См.: Там же.

13 октября 1923 г. с 8 вечера до 12 ночи в здании Политехнического музея, при полной аудитории, всё же состоялся знаменитый диспут Александра Ивановича Введенского с священномучеником Иларионом (Троицким) на тему: «Враги церкви».

Благодаря докладам сотрудников ГПУ, опубликованным в статье церковного историка священника Дмитрия Сафонова, мы можем в краткой форме воспроизвести настоящий диспут¹⁴. Из небольших воспоминаний становится известно, что Александр Введенский выступал в роли докладчика, а архиепископ Иларион в качестве оппонента. Обновленческий идеолог рассказывал публике о духовенстве старого строя, критикуя и называя их «чиновниками охраны»¹⁵. Конечно, не могло обойтись без критики в адрес Патриарха Тихона, которого докладчик обвинял в связи с контрреволюцией и отказе в помощи голодающим. Также Введенский охватил тему Поместного Собора 1917 г., на котором, по его мнению, обсуждались планы по борьбе с революцией¹⁶. Безусловно, «митрополит» рассказал о проделанной работе обновленческого движения.

По приводимым воспоминаниям важно отметить, что публика недоброжелательно встретила оратора, периодически устраивая перформансы в виде сильного шума, криков, топая ногами и перебивания.

В отличие от Александра Введенского, архиепископа Илариона публика встретила бурными аплодисментами. Владыка, отвечая на обвинения обновленческого оратора, утверждал, что всегда было духовенство, истинно служившее Церкви, за некоторым исключением. Архиепископ Иларион сравнил Соборы 1917 и 1923 гг. и подчеркнул, что на первом присутствовали канонические епископы, а на втором самозванцы¹⁷. Обвиняя обновленцев в политической игре, владыка приводит случай, произошедший с ним. Некий обновленческий священник воспротивился тому, что архиепископ хотел послужить на одном приходе под Москвой, угрожая ему арестом со стороны властей. В связи с этим, владыка на диспуте обвиняет обновленцев в присвоении себе политической власти.

Опровергая аргументы, касающиеся личности патриарха Тихона, священномученик Иларион отмечает следующее. Церковь решила

14 См.: Сафонов Д. Публичные диспуты священномученика Илариона с обновленцами в 1923 г. С. 179–183.

15 См.: Там же. С. 179.

16 См.: Там же.

17 См.: Там же. С. 180.

возродить патриаршество по той причине, что со времён Петра I ей была дана свобода в этом отношении. Исходя из этого, восстановление патриаршества никак не связано с контрреволюцией¹⁸. В конце священномученик заключил, что сторонники патриарха Тихона являются врагами не Церкви, а раскольников, после которых они освящают даже соборы.

В докладе первого сотрудника ГПУ подводится итог настоящего диспута. Из него создаётся внешняя картина происходящего: когда говорил Александр Введенский, публика шумела и препятствовала его выступлению, а после появления на трибуне владыки Илариона зрительская реакция становилась противоположной¹⁹. Также сотрудник докладывает об одном гражданине, взятом впоследствии под контроль органами правопорядка. По его команде зрители начинали стучать ногами во время выступления Введенского.

Доклад второго сотрудника ГПУ нам необходимо рассмотреть по той причине, что он несколько отличается от первого и вносит дополнительные уточнения. Следует отметить, что этот доклад более резкий, нежели первый, который носит характер сдержанности и сухой справки. Характер второго доклада говорит о симпатии этого сотрудника к личности Введенского, а также о ненависти к Патриаршей Церкви.

Служащий в своём рапорте указывает название диспута в другой вариации, что не меняет его сути: «Кто враги церкви». По этому докладу становится ясно, что Введенский охватил более обширный радиус тем, нежели было записано у первого сотрудника ГПУ. Вторым сотрудником также подтверждаются попытки сорвать речь «митрополита» Введенского шумом монархически настроенными людьми, которые обладали преимуществом в аудитории. Он утверждает, что это были сухаревские торгаши и спекулянты²⁰. Также открываются подробности, что во время выступления, Александр Иванович опирался на доказательную базу, а именно на различные документы.

Помимо этого, сотрудник сообщает ещё об одном фигуранте инцидента, которого задержали правоохранительные органы. Называя эмоционально его «дураком»²¹, он не видел в нём опасности, в отличие

18 См.: Сафонов Д. Публичные диспуты священномученика Илариона с обновленцами в 1923 г. С. 180.

19 См.: Там же. С. 181.

20 См.: Там же. С. 182.

21 См.: Сафонов Д. Публичные диспуты священномученика Илариона с обновленцами в 1923 г. С. 182.

от другого, о котором докладывал первый сотрудник ГПУ. В отличие от первого доклада, во втором становится известна ещё одна деталь диспута. Владыка Иларион обвинил Введенского в том, что обновленческий идеолог обращался к члену ЦК М. И. Калинин с просьбой в деле устранения Патриаршей Церкви²². А в докладе первого сотрудника сообщалось о том, что «обновленцы посылали делегацию к тов. КАЛИНИНУ, чтобы он разрешил им взять в свои руки церковное имущество, конечно, в этом им КАЛИНИН отказал»²³. Резюмирует свой доклад второй сотрудник ГПУ тем, что Александр Введенский мог бы победить оппонента, если бы не противодействие публики²⁴.

Из этих двух докладов становится ясно, что в данном диспуте Александр Введенский потерпел поражение. Также следует сказать, что победа архиепископа Илариона послужила поводом для вызова священномученика на допрос на Лубянку, итогом которого стал его арест 15 ноября 1923 г. Владыка осознавал последствия своего участия в этом диспуте, тем не менее, обладая мужеством, силой духа и верно служа Церкви, он не побоялся стать противником церковного раскола, что в конечном итоге стоило ему мученической смерти.

Кроме диспутов с представителями патриаршей Церкви известно об участии Александра Введенского в таких же дискуссиях с представителями атеистического марксистского движения. Наиболее яркими из них являются диспуты с первым наркомом просвещения РСФСР А. В. Луначарским. Встречи проходили как в Москве, так и в Ленинграде. Они состоялись в залах Большого театра, Колонном зале Дома союзов, Политехнического музея, цирке на Цветном бульваре, а в Ленинграде в зале филармонии²⁵. Целесообразнее будет рассказать о некоторых этих диспутах отдельно.

Перед тем как перейти к более известным диспутам «митрополита» Введенского и А. В. Луначарского, следует рассказать об одной из встреч, которая нашла отражение в журнале «Церковное обновление». Этот диспут описывается в сжатой форме, тем не менее представляет для нашей работы большой интерес.

22 См.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. М.: ПСТГУ, 1994. С. 216.

23 См.: Сафонов Д. Публичные диспуты священномученика Илариона с обновленцами в 1923 г. С. 180.

24 См.: Там же. С. 183.

25 См.: Козаржевский А. Ч. А. И. Введенский и обновленческий раскол в Москве // Вестник Московского университета. 1989. № 1. С. 62.

10 февраля 1925 г. в зале консерватории состоялся диспут на тему: «Религия и марксизм». Аудитория состояла в основном из рабочих, служащих, красноармейцев и учащихся. Первым прочитал свой доклад А. В. Луначарский. Он говорил о том, что «для настоящей науки, основанной на опыте, религии не существует»²⁶.

Обновленческий митрополит Введенский, оппонировав Луначарскому, «перенёс свои возражения» в область человеческой личности. Он не отрицал тот факт, что христианство в лице иерархии часто действовало против «трудящегося человечества». Однако, как это неоднократно подчёркивал в своих докладах Александр Иванович, христианство — это в первую очередь религия личности. И в этой личностной плоскости Евангелие — «прекрасная лилия» и «золотой мост в царство будущего»²⁷. Свои тезисы Введенский основывал не на Писании и святоотеческих творениях, но обращался к работам современной «буржуазной» науки.

В заключительном слове А. В. Луначарский сказал, что трудящиеся не нуждаются в «золотых мостах» религии, которая есть опиум, одурманивающий простой народ. С этим наркотиком коммунисты борются «всей силой своего убеждения»²⁸.

20 сентября 1925 г. в зале Большого театра при переполненных трибунах состоялся известный диспут на тему: «Христианство или коммунизм». А. Э. Краснов-Левитин, в одном из своих произведений описывает Александра Введенского в тот день: «Второй раз видел его на диспуте. Тут впечатление совсем другое. Без облачения, в рясе, без белого клобука не получалось такой странной дисгармонии. Короткие курчавые волосы, высокий лоб. Впечатление адвоката, профессора»²⁹.

Свой доклад Луначарский начинает с того, что редуцирует историю христианства до классово-борьбы. По его мнению, история, рассказанная в Деяниях апостольских, отражает конфликт, который происходил в раннем христианстве между пролетариями (апостолами) и мелкими собственниками, представителями которых были Анания и Сапфира. «Христианство развивалось в пролетарских кругах»³⁰, однако разница

26 Религия и марксизм (Диспут в консерватории) // Церковное обновление. 1925. № 4. С. 30.

27 Религия и марксизм. С. 30.

28 Там же. С. 31.

29 Краснов-Левитин А. Э. Дела и дни: Обновленческий митрополит Александр Введенский. Париж, 1990. С. 53.

30 Луначарский А. В. Христианство или коммунизм. Диспут с митрополитом А. Введенским. Л., 1926. С. 7.

между пролетарием Римской империи и современным пролетарием огромная. Античные пролетарии — это «миллионы дармоедов», которые не трудились и жили за счёт денег буржуазии, которая их кормила и использовала в своих политических целях. Для современных же пролетариев труд играет центральную роль, и именно труд коммунисты хотят освободить³¹.

Видно, что труд для Анатолия Васильевича является метафизической категорией. Риторика здесь христианская, на что Луначарскому и укажет в своём ответе Введенский³². Иисус освобождает человека от греха, а коммунисты хотят освободить труд человека от эксплуатации буржуазией. И в первом, и во втором случае видится дискурс освобождения, но христианство шире коммунизма и оно, как покажет Введенский, не сводит человека к экономическим отношениям³³.

Анатолий Васильевич утверждает, что паразитический класс античных пролетариев видел своё спасение во вторжении в мир божественных сил³⁴. Для спасения пролетариев надмирный Бог посылает Своего Сына, который угнетён так же, как и пролетарии. По словам Луначарского, для христианского спасения не нужно бунтовать, но нужно надеяться — здесь водораздел между христианством и марксизмом. Анатолий Васильевич считает, что христианская парадигма делает пролетариев социально пассивными и говорит: «Эта надежда становится прямо контрреволюционной»³⁵. Христианская эсхатология глубоко потребительская: в будущем веке «работать никому не нужно», «сама природа будет протягивать плоды с ветвей»³⁶. Итак, христианство есть «социализм в пути»³⁷. Революционная направленность в нём верна, но способы её реализации, а также конечный результат чужд современному рабочему классу.

Примечательно то, что Луначарский бросает вызов библейскому Богу, который, по его мнению, ограничил человечество, достигшее своего технологического развития при строительстве Вавилонской башни. Бог тогда разъединил людей, и грандиозный проект не был достроен. Коммунисты же, в свою очередь, обращаются к человечеству

31 См.: Там же. С. 8.

32 См.: Там же. С. 30.

33 См.: Там же. С. 26.

34 См.: Там же. С. 9.

35 Там же. С. 6.

36 *Луначарский А. В. Христианство или коммунизм. С. 14.*

37 Там же. С. 14.

с призывом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Этот клич зовёт «к победе над этими Божьими ограничениями и к новому соединению всех сил человечества для того, чтобы новый Вавилонский столп был закончен»³⁸.

По его мнению, человечество смогло победить природу «для бесконечного дальнейшего развития человеческого гения»³⁹. Миф романтизма, делающего акцент на человеческом гении, Луначарский противопоставляет библейскому мифу об успокоении творения в Творце, когда «Бог будет всё во всём» (1 Кор. 15, 28).

В заключении своего доклада Анатолий Васильевич говорит, что к христианству надо отнестись враждебно, потому что оно гасит боевой дух революции упованием на Бога. «И чем меньшую дозу введёт гражданин Введенский в социализм от христианства, тем будет лучше, а если и совсем никакой дозы не введёт, будет совсем хорошо»⁴⁰. Доклад окончен, звучат аплодисменты, и слово переходит к А. И. Введенскому.

Первый тезис Александра Ивановича: «марксизм есть прежде всего экономическое учение, а христианство есть экономическое учение после всего»⁴¹. Не стоит редуцировать христианство до его экономической составляющей, но раз условия диспута заявлены таковыми, что оппоненты говорят в плоскости экономики, то Введенский будет очерчивать лишь экономический идеал христианства⁴². По словам докладчика, христианство настолько широкое и большое, что оно «до сих пор не понято и не принято миром во всей его глубине и широте»⁴³. Каждый смотрит на Христа сквозь призму своих очков, но никто не может охватить Личность Иисуса в целом.

По мнению обновленческого идеолога, чтобы подойти к Иисусу вплотную, требуется религиозный взгляд на Него. Также он утверждает, что в советской действительности религиозная точка зрения исключается, и Иисус остаётся неузнанным эммаусским путником⁴⁴. Александр Иванович в очередной раз демонстрирует большую эрудицию. Что же историки первой половины XX века говорят о христианстве с социальной точки зрения? Изначально возникнув в среде бедняков,

38 Там же. С. 20.

39 Там же.

40 Там же. С. 21.

41 *Луначарский А. В. Христианство или коммунизм.* С. 21.

42 См.: Там же.

43 См.: Там же. С. 23.

44 См.: Там же.

в дальнейшем в Церкви сложилась своя иерархия, которая «открыто стала на сторону капитализма»⁴⁵. Из христианства катакомб оно превратилось в христианство банков. Но, по словам «митрополита» Введенского, это есть кривое зеркало христианства, его замутнение и вырождение. Если же брать христианство в его идеале, то оно — «религия человек»⁴⁶. Здесь имеется в виду, что Иисус не обращался ни к какому классу, а непосредственно к самому человеку.

Здесь Александр Иванович проводит водораздел между своим пониманием христианства и пониманием Луначарского. По мнению Введенского, марксист смотрит на христианство с позиций классовой борьбы, но этот взгляд является неадекватным для оценки христианства. Христос, согласно словам обновленческого идеолога, шире марксизма, потому что Его учение находит отклик как у люмпен-пролетариев, так и у богачей, хотя последних Иисус часто и осуждал⁴⁷. Введенский называет имена состоятельных людей, которые служили Иисусу: Закхей, Иосиф Аримафейский и Мария Магдалина⁴⁸.

Александр Введенский предлагает тезис, который вызывал аплодисменты в аудитории: «Теперешний, так называемый «марксизм», это есть евангелие, перепечатанное атеистическим шрифтом»⁴⁹. Христос, по словам Введенского, был «величайшим активистом»⁵⁰, который брал бич осуждения и хлестал им книжников и фарисеев. Он считал, что этим Иисус похож на гениального Ленина, который активно агитировал за революцию⁵¹. Но, так как личность Христа выше личности Владимира Ильича, то Иисус собирается установить «диктатуру в космическом, вселенском, абсолютном масштабе»⁵².

В завершение своего доклада «митрополит» Александр Введенский обращается к аудитории и говорит, что все сидящие здесь, отдадут ли они себе в этом отчет или нет, пропитаны христианством. По его словам, христианство как воздух, которым все люди дышат и который проникает незаметно. Оно питает собой и идеи марксизма о грядущем бесклассовом обществе, в котором «нам будет так хорошо»⁵³. И заключает

45 Там же. С. 24.

46 Там же.

47 *Луначарский А. В.* Христианство или коммунизм. С. 24.

48 См.: Там же. С. 25.

49 Там же. С. 27.

50 Там же. С. 28.

51 См.: Там же.

52 Там же. С. 29.

53 Там же. С. 30.

Введенский, что всё же христианство безмерно больше марксизма, «поскольку оно захватывает всё человеческое «я», а вы (марксисты) — лишь социальный его момент»⁵⁴.

Нарком просвещения СССР парирует тезис Александра Введенского о широте христианства и узости марксизма. Он говорит: «Марксизм есть не только экономика, марксизм представляет собой целостное философское мирозерцание и совершенно определённо (и с полной уверенностью) претендует на то, что оно даёт ответ на все вопросы, в том числе и на те, которые были поставлены религией»⁵⁵.

Из этого видно, что такие слова как «целостное», «полная уверенность», «ответ на все вопросы» — показывает, что марксизм, по мнению Луначарского, претендует на то, чтобы заместить собой религию. Сам марксизм выступает здесь в качестве квази-религии или специфической секулярной религии. Анатолий Васильевич признаёт, что христианство было для социализма «колоссальной исторической прививкой»⁵⁶. Однако христианство слабо своей неопределённостью и разделением на множество толков и учений⁵⁷. Если Введенский в многоликости христианства видит огромное преимущество, то Луначарский, напротив, видит в ней то, что приводит «к взаимному осуждению и взаимному истреблению»⁵⁸.

Анатолий Васильевич считает, что его содокладчик испугался, когда говорил о призыве Иисуса к гуманизму. Он читал, что этот призыв — общее место и, да, Введенский прав — именно такими общими местами мы дышим, но этот воздух ни к чему нас не обязывает. Луначарский считает, что слабость христианства в том, что его идеал не может быть осуществлён. Сила марксизма в том, что в нём «неуловимая мечта превратилась в реализуемый план»⁵⁹. Активность Иисуса, по мнению Луначарского, не дала никаких результатов. Он считает, что Иисус был неудачником⁶⁰. От Его бича было столько же пользы, как если бы «Ленин и Маркс взяли какую-нибудь увесистую дубинку, отправились в банк и стали коллошматить...»⁶¹. Эти слова вызвали в аудитории смех и аплодисменты.

Далее нарком заключает, что обещанный Христом покой — это усыпительные средства, тогда как человеку нужно бодрствование. И это

54 Там же.

55 *Луначарский А. В.* Христианство или коммунизм. С. 31.

56 Там же. С. 32

57 Там же.

58 Там же. С. 33.

59 Там же. С. 35.

60 *Луначарский А. В.* Христианство или коммунизм. С. 35.

61 Там же. С. 36.

бодрствование — в борьбе против капитализма. Свой доклад Анатолий Васильевич заканчивает метафизической фразой о том, что человеческих дух в итоге станет более крылатым и устремится к дальнейшему усовершенствованию»⁶².

На следующий день, 21 сентября 1925 г. продолжился диспут Александра Введенского с наркомом просвещения СССР. Темой этой встречи стало: «Идеализм или материализм».

Начало доклада А. В. Луначарского очень содержательно по количеству выдвигаемых тезисов, и поэтому мы остановимся на нём подробнее. Тезис первый: «в нормальном опыте нормального человека ... существует только один, опытный мир»⁶³, и ничто не говорит нам в пользу существования мира трансцендентного. Исходя из парадигмы докладчика, получается, что люди, верующие в мистический мир, ненормальны. Оппонируя Анатолию Васильевичу, «митрополит» Введенский указал, что у верующих есть свой «религиозный сенсуализм»⁶⁴. То есть сознание верующего человека живёт по иным законам, которые выходят за рамки позитивизма и материализма.

Второй тезис Луначарского звучал: «Мир опыта замкнут в себе»⁶⁵. На языке современной философии этот тезис является метафизической предпосылкой, из которой исходит Анатолий Васильевич. Сразу он делает следующий шаг, третий тезис, и заявляет, что мир принципиально познаваем, а те феномены, которые наука сейчас не может объяснить, она их распознает в будущем⁶⁶. Здесь мы видим веру в грядущее царство разума, некий секуляризированный вариант христианского эсхатона. А четвёртый тезис Луначарского гласил: «наука не признаёт в мире ничего случайного»⁶⁷.

Если суммировать эти четыре тезиса, то мы будем иметь дело с замкнутым в самом себе мире, который детерминирован и в перспективе принципиально познаваем, прозрачен. Это мир, в котором нет места тайне, нуминозному, и нет места Богу.

Религия же, по мнению Луначарского, существует по нескольким причинам. Первая причина заключается в том, она является пережитком первобытного анимизма, в котором отсутствовала

62 Там же. С. 42.

63 Там же. С. 45.

64 *Луначарский А. В. Христианство или коммунизм.* С. 58.

65 Там же. С. 46.

66 Там же.

67 Там же.

современная рациональность и наука⁶⁸. Вторая, что по причине тяжёлых социальных условий, в частности, социального неравенства, болезней и смерти, в результате которых человек строит себе компенсаторную иллюзию в виде будущего Царства Божьего⁶⁹. А третья причина, по которой существует религия — это вера человека в бессмертие личности⁷⁰.

Однако, по мнению Луначарского, этой вере стоит противопоставить освобождение от частного «я» и растворение в социальном «мы». Анатолий Васильевич говорит слова, которые, на наш взгляд, были художественно развёрнуты и доведены до логического конца в романе-антиутопии Евгения Замятина «Мы», написанном в 1920 г. Вот эти слова Луначарского: «Тогда центром его мирозерцания становится великое, ослепительное «мы» с его реальным мучительным прошлым и постепенный подъём от животного состояния к той заре, царству справедливости, который мы сейчас переживаем»⁷¹.

А. Э. Краснов-Левитин так пишет об ответном слове Александра Ивановича: «Он начал говорить. Сначала обыкновенные фразы, сказанные в духе светского разговора. Потом он разгорячился, и речь стала нервной, порывистой. Он говорил о гармонии, которая разлита в мире; он сравнивал религию с музыкой, которую отрицать невозможно, потому что её невозможно понять разумом»⁷². Своё ответное слово обновленческий идеолог Введенский начал с того, что отреагировал на сравнение его Луначарским в его заключительном слове предыдущего доклада с верблюдом: «такая зоологическая острота так же мало меня задевает, как украшает того, кто её употребляет»⁷³. Эти слова вызвали аплодисменты в аудитории. Начав отвечать на только что прозвучавший доклад Анатолия Васильевича, «митрополит» Введенский привёл цитаты французского химика Луи Пастера и основоположника квантовой физики Макса Планка о том, что наука не противоречит религии, а, напротив, религию утверждает⁷⁴. Наука по сути своей бессклассовая, потому что дважды два четыре как для революционера, так и для контрреволюционера⁷⁵.

68 Там же. С. 47.

69 Там же. С. 52.

70 Там же. С. 54.

71 *Луначарский А. В.* Христианство или коммунизм. С. 54.

72 *Краснов-Левитин А. Э.* Дела и дни. С. 54.

73 *Луначарский А. В.* Христианство или коммунизм. С. 55.

74 Там же. С. 56.

75 Там же. С. 57.

На это Луначарский ответил, что следует различать точные и гуманитарные науки⁷⁶. Если точные науки буржуазия не может и не смеет фальсифицировать, потому что эти науки связаны с техникой и выгодны буржуазии, то в гуманитарных науках истина буржуазии не нужна, а значит, эти науки используются для манипуляции над трудовым народом. Парируя тезис Анатолия Васильевича о корнях религии в первобытном анимизме, Александр Введенский, ссылаясь на «Йенского ученого Шмидта», напоминает, что «первичным религиозным мирозерцанием был чистейший монотеизм»⁷⁷, а анимизм — это вырождение монотеизма. Подлинный религиозный опыт вырастает не из социальных условий или проекции справедливости в загробную жизнь, о чём говорил Луначарский на примере 80-ти летней старушки⁷⁸, а из любви к Богу⁷⁹.

Ссылаясь на свт. Иоанна Златоуста, Александр Иванович говорил, что религия завораживает верующих не меньше, чем музыканта его мелодия. И дополнял, что Бог поражает христианина Своей красотой⁸⁰. Касательно заявлений Луначарского о происхождении человека от обезьяны, Введенский произнёс слова, которые вызвали аплодисменты в зале: «Если иногда мне утверждают, что я или другой гражданин произошёл от обезьяны, я не спорю, потому что каждому лучше известны его родственники»⁸¹. Далее обновленческий оратор заявил, что атеизм же возникает по мере упадка религиозного сознания, как при упадке зрения развивается близорукость⁸². В заключении своей речи «митрополит» сказал, что христианство не есть пассивное ожидание прихода Бога. Напротив, оно есть «борьба с мировым злом, борьба за социальную правду жизни, но с Богом, ... но с мировой красотой»⁸³.

В заключение слово берёт Луначарский, который будет настаивать, что причины религии — несовершенство мира и социума. Пока существует бедность, пока человек не является хозяином жизни, религия будет существовать⁸⁴. На тезис Александра Введенского о том, что религиозный опыт рождается из «ощущения связанности с универсумом»⁸⁵,

76 Луначарский А. В. Христианство или коммунизм. С. 68.

77 Там же. С. 57.

78 Там же. С. 52.

79 Там же. С. 59.

80 Там же.

81 Там же. С. 60.

82 Там же. С. 64.

83 Луначарский А. В. Христианство или коммунизм. С. 67.

84 Там же. С. 70.

85 Там же. С. 62.

Анатолий Васильевич ответит, что марксисты тоже «утверждают, что мир един»⁸⁶. Ощущение единства бытия не обязательно приводит к религиозному опыту.

Марксизм выступает за реалистическое мирозерцание, без какого-то трансцендентного мира. Он сказал: «Только полное изменение социального положения, т. е. полное выздоровление, сделает религию никому не нужной»⁸⁷. По мнению Луначарского, Александр Иванович обманывает, когда говорит об активности христианства в борьбе за правду. Он считает, что подлинные христиане возлагают свою надежду на вмешательство Божье, т. е. на иллюзию⁸⁸. Христианство парализует социальную активность трудящихся масс, тогда как коммунизм учит людей активно протестовать против несправедливости⁸⁹. В этом реалистичность и позитивность коммунизма.

Благодаря некоторым воспоминаниям, мы можем увидеть реакцию зрителей на этот диспут. Академик Д. С. Лихачев вспоминал: «Толпа верующих после диспута хотела побить именно митрополита, и [мой — М. А.] отец по просьбе начальства спасал его через нашу квартиру, выведя его на другую улицу через наш чёрный ход»⁹⁰.

Л. С. Митусова, автор других ценных воспоминаний, рассказывает, что её отец был очевидцем описываемого диспута: «от этого диспута у отца осталось впечатление, что Анатолий Васильевич более верующий человек, чем отец Введенский»⁹¹.

Следующий диспут обновленческого идеолога Александра Введенского с наркомом просвещения СССР А. В. Луначарским состоялся 3 октября 1927 года на тему: «Личность Христа в современной науке и литературе».

Анатолий Васильевич и обновленческий митрополит вели диспут вокруг книги французского писателя, журналиста, члена Французской коммунистической партии Анри Барбюса «Иисус». Луначарский первым произнёс свой доклад, в начале которого заявил, что собирается основываться на работах Барбюса в области христологии⁹². Оппонируя Анатолию Васильевичу, Александр Введенский в своём докладе скажет,

86 Там же. С. 71.

87 Там же. С. 72.

88 Там же. С. 74.

89 Там же. С. 75.

90 Лихачев Д. С. Избранные работы. Л., 1987. Т. 1. С. 3–23.

91 Митусова Л. С. О прожитом и судьбах близких. СПб., 2004. С. 40.

92 См.: Луначарский А. В. Личность Христа в современной науке и литературе // Луначарский А. В. Об атеизме и религии. М., 1972. С. 218.

что работы Барбюса в области христологии не являются фундаментальными, так как их автор — не профессиональный богослов⁹³.

Барбюс, по мнению Луначарского, с одной стороны признаёт существование Христа, а с другой, работая в парадигме мифологической школы⁹⁴, считает, что многое в Евангелии легендарно и не имеет отношения к историческому Иисусу. Главный вопрос настоящего диспута, по мнению Анатолия Васильевича, таков: «действительно ли Иисус из Назарета, называемый Христом, представляет собой историческую личность, или это есть целиком личность легендарная?»⁹⁵. Обращаясь к работам А. Эрнеста, Миллера и академика Веселовского, Луначарский показывает, что любой народ, получая «историческое впечатление»⁹⁶, приспособляет его «к общему своему мифическому мышлению»⁹⁷. То же произошло и с личностью Иисуса — Её легендализировали древние народы, потому что легенды о мучительно умершем и затем воскресшем боге были в античности сильно распространены. Анатолий Васильевич приводит большую цитату из книги Барбюса, в которой французский писатель перечисляет этих богов⁹⁸.

Таким образом, Луначарский помещает Христа в мифологический контекст, вырывая Его из контекста собственно реалистического и исторического, а именно так Христа воспринимает Церковь. Вернее, Церковь считает, что Иисус настолько же тварен (историчен), насколько же и нетварен (метафизичен), но мы не будем сейчас вдаваться в эти подробности. Ссылаясь на Барбюса, Анатолий Васильевич и жертву Христа редуцирует до мифологической, ведь издревле люди помогали богам своими жертвоприношениями. Об этом говорит и «красивый интересный миф еврейского народа»⁹⁹ об Аврааме, когда он хотел принести в жертву Исаака, и об этом же говорит миф о распятии Иисуса. Луначарский, вслед за Барбюсом, выводит миф об Иисусе — Мессии из еврейской мифологии — и это, по его мнению, свидетельствует в пользу исторической недостоверности Евангельских рассказов.

Об апостоле Павле Анатолий Васильевич говорит, что ему на пути в Дамаск явилось некое божество в виде человека. Возможно, божество

93 См.: Там же. С. 244.

94 См.: Там же. С. 219.

95 Там же.

96 Там же. С. 220.

97 *Луначарский А. В.* Личность Христа в современной науке и литературе. С. 221.

98 См.: Там же. С. 222.

99 См.: Там же. С. 224.

Тарса Сандан — но никак не исторический Иисус, о котором «во время жизни Павла никто не знал..., где Он родился, кто Он был, чем жил»¹⁰⁰. Более того, по словам Луначарского, современная наука считает большинство писем апостола Павла разоблачённой подделкой, которые никак не могли быть написаны во времена апостола. Если Барбюс признаёт существование исторического Иисуса, то Анатолий Васильевич идёт ещё дальше и, критикуя Барбюса, утверждает, «что никакого «Христа» Барбюс так и не откопал: «своим стремлением воскресить именно человека Христа Барбюс в этом отношении приближается ко всем породам толстовцев»¹⁰¹. Итак, по мнению Луначарского, Иисус Христос — это полностью мифический персонаж.

Слово берёт «митрополит» Введенский и начинает свой доклад и показывает свою эрудицию, также знакомство с научной литературой. Да, говорит обновленческий идеолог, Барбюс тоже «затрагивает Христа как историческую личность», но трактует Его не так, как православные. Александр Иванович утверждает, что «можно указать колоссальное количество работ учёных самых разных религиозных убеждений, которые приходят к выводу, что Евангелия в своей основе являются историческими документами не меньшего порядка, чем все прочие исторические документы той эпохи»¹⁰². Другое дело, что свидетельства евангелистов — это не протоколы и не мемуары, как их хочет видеть товарищ Луначарский. Апостолы — это не «милиционеры истории», которые всё буквально фиксировали за Своим Учителем. После этих слов в зале зазвучали аплодисменты.

Касательно противоречий в Евангелии, на которые указывал Анатолий Васильевич, Введенский выдвигает тезис: «В Евангелии нет противоречий, а есть субъективность восприятия»¹⁰³, и при свидетельских показаниях субъективизм неизбежен. Ссылаясь на труды Риса-Девидса, Лаваэ Пуссэна и других, Александр Иванович контраргументирует Луначарскому насчёт связанности солярных мифов с Иисусом — эта связанность лишь «поверхностная аналогия», которая рассыпается при детальном изучении феномена. На тезис Луначарского, что апостолу Павлу на пути в Дамаск явилось некое божество, Введенский отвечает, что Павел беседовал с апостолами, которые непосредственно знали Иисуса: зачем им писать о смерти Иисуса, которого они не встречали? «Итак,

100 См.: Там же. С. 229–230.

101 *Луначарский А. В.* Личность Христа в современной науке и литературе. С. 242.

102 Там же. С. 247.

103 Там же.

первое христианство знает реального Христа, который был принят им как Бог»¹⁰⁴. Введенский приводит слова Барбюса, за которые он прощает ему его дилетантизм. Французский писатель в книге «Иисус праведный» говорит следующее: «Я вижу тебя, Иисус, это Ты открываешься мне во всей чёткости своей красоты, я тебя люблю, я держу тебя у моего сердца»¹⁰⁵. Здесь, возможно, слушатели диспута столкнулись с парадоксом: Барбюс, который разоблачает «мифологические наслоения» в повествованиях о Христе, тем не менее любит Его как историческую личность.

Слово берёт Луначарский и говорит о том, что Христос к той неправде, которая всегда была в мире, добавил ещё и церковную неправду. На это аудитория отреагировала аплодисментами. Барбюса, по мнению Анатолия Васильевича, нужно предостеречь от «фантома Бога» — этот фантом должен исчезнуть. «Нам Иисус не нужен», — провозглашает Луначарский. Коммунисты не ищут звёзд в древней Палестине, но над их головой сияет звезда коммунизма, которую Введенский не замечает. Анатолий Васильевич воспринимает Церковь как врага науки и искусства. Именно революционный пролетариат «продвинет правду на земле и действительно создаст нового человека»¹⁰⁶. Здесь мы видим секуляризированный дискурс христианства, в частности, использование метафоры апостола Павла о «новом человеке» (Еф. 4, 24).

В заключение разговора о приводимых здесь диспутах важно сказать, что помимо участия в общих мероприятиях, общение Александра Введенского и наркома просвещения СССР Луначарского было и вне залов дискуссий. Важно в качестве итога привести слова А. Э. Краснова-Левитина: «За последние два года они скрещивали с Введенским оружие несколько раз, причём между ними установились своеобразные, полуиронические-полуприятельские отношения: была область, где идейные враги становились союзниками — гонорары от диспутов делились пополам, в это время они собирались совместно издать отдельной книгой стенограмму двух диспутов. Деловые вопросы часто обсуждались за ужином у Луначарского после диспута. Хозяйка дома Наталия Александровна Розенель была очаровательно любезна с А. И. Введенским, и вино к столу подавалось изысканное, заграничное. И сейчас два «друга» вступили в свой обычный — шуточный — разговор, причём Александр Иванович, позабыв про белый клубок, пустился

104 См.: *Луначарский А. В. Личность Христа в современной науке и литературе*. С. 249.

105 Там же. С. 250.

106 См.: *Луначарский А. В. Личность Христа в современной науке и литературе*. С. 257.

в детальнейшее обсуждение выступления Айседоры Дункан — модной гастролёрши-балерины, от которой А. И. Введенский был без ума, тогда как Луначарский (сторонник классического балета) относился к её искусству скептически»¹⁰⁷.

В завершение настоящей статьи следует подвести некоторые итоги и сделать определённые выводы, касающиеся фигуры Александра Введенского как участника религиозных диспутов 20-х гг. На основании анализа исторических источников в контексте указанной эпохи высвечивается более или менее ясный образ. Для начала имеет смысл очертить общие направления, чтобы далее перейти к частным вопросам. Общим взглядом в данном случае будет являться то, что Александр Иванович показывает себя с очень разных сторон в зависимости от своего оппонента по диспуту. Конечно, можно сказать, что это нормально и является вполне обоснованной поведенческой схемой. Однако имеется в виду не просто различие тематического содержания в диспутах с атеистами и с представителями патриаршей Церкви.

Речь идёт о том, что в первом случае Введенский выказывает откровенную симпатию к оппонентам, пытаясь выглядеть в их глазах нарочито честным и искренним. Что же касается второй категории диспутов, то в них Александр Иванович с такой же откровенностью демонстрирует свою неприязнь к членам Патриаршей Церкви, без колебаний прибегает к почти открытой лжи, подлогам, обвинениям, а также не гнушается определённой подлостью в отношении своих оппонентов. Безусловно, такая позиция может быть отчасти объяснена прямым сотрудничеством обновленческого движения с государственной властью, которой в тот момент являлась партия большевиков. Последняя же, как известно, имела своей прямой целью раскол и уничтожение патриаршей Церкви в России.

Непосредственно эти моменты были показаны на примере диспута в консерватории, где Введенский открыто поносил патриарха Тихона, называя его самозванцем и лжецом. Такой же точки зрения придерживались и представители Советской власти, присутствовавшие на этом диспуте. Следует также отметить, что Александр Иванович часто высказывал аргумент, согласно которому простые верующие люди в большинстве своём выступают за обновленческое движение, чем якобы доказывается его истинность. Однако в другом месте обновленческий идеолог приводит диаметрально противоположное суждение, говоря,

107 *Краснов-Левитин А. Э., Шафров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 490.

что даже если большинство верующих являются приверженцами патриаршей Церкви, то это ничего не значит. Более того, мнение народа он даже называет проявлением бесовской воли.

Это вполне может быть причиной как заискиваний перед представителями марксистского движения из государственных кругов, таких как А. В. Луначарский, так и открытой неприязни членов Церкви, например, в диспуте со сщмч. Иларионом (Троицким), а также очернения, лжи и клеветы в отношении патриарха Тихона и всей патриаршей Церкви. С другой стороны, нельзя не заметить в поведении Введенского и глубоко личных мотивов.

Исходя из анализа приведённых материалов, можно наблюдать, что сам он страстно и яростно вовлекался в полемику с церковными оппонентами, не гнушался любых, даже самых низких средств и приёмов. Обновленческий митрополит делал всё, чтобы выставить патриаршую Церковь в самом ужасном и невыгодном свете, а обновленческое движение — в самом выигрышном. Для достижения этой цели он прибегал и к богословской аргументации, которая должна была показать упадочное состояние патриаршей Церкви и её несоответствие учению Евангелия. Однако стоит сделать ремарку, что критерием соответствия и несоответствия в данном случае было превратное понимание христианства и православия.

В диспутах же с атеистами Введенский выступал как апологет христианства. Он доказывал несостоятельность марксистской критики религии, которая переводит религиозно-философскую проблематику в область политэкономии и экономического дискурса. Такого рода аргументацию обновленческий идеолог привлекал в диспутах с А. В. Луначарским. Последний выступал с позиций философской парадигмы марксизма. Александр Введенский методично переводил эти вопросы в иное русло, показывая, что марксистский категориальный аппарат является неадекватным для рассмотрения живой христианской религии. Православие не может соответствовать марксизму, потому что представляет совершенно иную парадигму мышления и базируется на иной платформе.

Нельзя не признать, что многие аргументы в этих диспутах вполне взвешены, обоснованы и остры. Александр Иванович пользуется в них всем своим философским, богословским и научным багажом знаний. Тем не менее, как было показано ранее, общая картина показывает определённый срез рассматриваемой эпохи и взгляд на Введенского как на приспособленца, который играет на публику. Хотя

обновленческий идеолог и был довольно одарённым оратором, всё же нельзя не заметить его постоянную нечистоплотность и двурушничество как участника диспутов 20-х гг.

Источники

- Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / сост. М. Е. Губонин, ред. Прот В. Воробьёв. М.: ПСТГУ, 1994.
- Краснов-Левитин А. Э.* Дела и дни: Обновленческий митрополит Александр Введенский. Париж: Поиски, 1990.
- Краснов-Левитин А. Э.* Лихие годы. 1925–1941: Воспоминания. Париж: УМСА-Press, 1977.
- Лихачев Д. С.* Избранные работы: в 3-х т. Л.: Художественная литература, 1987. Т. 1
- Луначарский А. В.* Личность Христа в современной науке и литературе // *Луначарский А. В.* Об атеизме и религии. М.: Мысль, 1972.
- Луначарский А. В.* Христианство или коммунизм. Диспут с митрополитом А. Введенским. Л.: Государственное изд., 1926.
- Митусова Л. С.* О прожитом и судьбах близких. СПб.: Рериховский центр СПбГУ; Ирида-прос, 2004.
- Религия и марксизм (Диспут в консерватории) // Церковное обновление. 1925. № 4. С. 30–31.

Литература

- Козаржевский А. Ч. А. И.* Введенский и обновленческий раскол в Москве // Вестник Московского университета. 1989. № 1. С. 54–66.
- Краснов-Левитин А. Э., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. М.: Изд. Крутицкого подворья, 1996.
- Кривошеева Н. А.* Религиозные диспуты в Москве в 1923 году // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 215–225.
- Сафонов Д.* Публичные диспуты священномученика Илариона с обновленцами в 1923 г. // Альфа и Омега. 2005. № 2 (43). С. 166–184.